

Д. Ц. Цыденова^{1✉}, В. А. Бурнаков²

¹Независимый исследователь
Новосибирск, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: ya-darimats@yandex.ru

Молитвенные флаги *хии морин* из бурятской этнографической коллекции / фондов ИАЭТ СО РАН

В статье на материалах бурятской этнографической коллекции Института археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ СО РАН) впервые вводится в научный оборот комплекс этнографических данных о молитвенных флагах *хии морин* – культурно-религиозном феномене бурят-буддистов рубежа XIX–XX вв. Цель исследования – характеристика *хии морин*, в т.ч. рассмотрение семантики, функций и региональной специфики этого обрядового комплекса. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью изучения региональных музейных фондов, которые долгое время оставались вне поля зрения исследователей. В основе методологии лежит комплексный подход, объединяющий методы этнографии, искусствоведения и религиоведения. Рассматриваются функции молитвенных флагов в традиции тибетского буддизма, их типология (горизонтальные и вертикальные), цветовая символика (пять первоэлементов), иконография (конь Ветра, лунгта, восемь благоприятных символов, четыре священных существа), размещение в сакральных локусах и ритуальный контекст. Новизна исследования определяется введением в научный оборот ранее неопубликованных сведений о религиозных артефактах. Среди них – молитвенный флаг с латинизированными бурятскими именами (конец 1970-х – начало 1980-х гг.), представляющий собой редкое свидетельство возрождения буддийских практик в позднесоветский период. Кроме того, впервые описываются флаги, содержащие такие иконографические символы, как монограмма Калачакры (Намчу-вандан) и ритуальный кинжал *пхурба*, что указывает на охранительно-ритуальное назначение предметов. В заключении сделан вывод: исследованные флаги фиксируют механизмы культурного синтеза тибетской, монгольской и локальной бурятской традиций, а также демонстрируют адаптацию письменной культуры к изменяющимся условиям.

Ключевые слова: молитвенные флаги, конь ветра, лунгта, *хии морин*, буряты-буддисты, бурятская этнографическая коллекция, фонды ИАЭТ СО РАН, культурный синтез, монограмма Калачакры, *пхурба*.

D. Ts. Tsydenova^{1✉}, V. A. Burnakov²

¹Independent researcher
Novosibirsk, Russia

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: ya-darimats@yandex.ru

The *Khii Morin* Prayer Flags from the Buryat Ethnographic Collection of the IAET SB RAS

For the first time this article presents ethnographic data on the *khii morin* prayer flags – a cultural and religious phenomenon of Buryat Buddhists at the turn of the 19th–20th centuries – using the evidence from the Buryat ethnographic collection of the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS. The study discusses the semantics, functions, and regional specifics of this ritual complex, focusing on regional museum collections which have long remained outside the scope of scholars' attention. The methodology is based on the integrated approach which incorporates the methods of ethnography, art history, and religious studies. The functions of prayer flags in the tradition of Tibetan Buddhism, their typology (including horizontal and vertical types), color symbolism (five primary elements), iconography (Wind Horse, *lungta*, eight auspicious symbols, four sacred creatures), placement in the sacred space, and ritual context are analyzed. These objects include the prayer flag with the Latinized Buryat names from the late 1970s – early 1980s, which provides a rare evidence of the revival of Buddhist practices during the Late Soviet period. Additionally, flags containing iconographic symbols such as the Kalachakra monogram (Namchu wandan) and *phurba* ritual

dagger are described for the first time, indicating the protective and ritual purpose of the objects. It is concluded that the flags reveal the mechanisms of cultural synthesis between the Tibetan, Mongolian, and local Buryat traditions, and demonstrate the adaptation of the written culture to changing conditions.

Keywords: prayer flags, Wind Horse, lungta, khii morin, Buryat Buddhists, Buryat ethnographic collection, collection of the IAET SB RAS, cultural synthesis, Kalachakra monogram, phurba.

Введение

Изучение духовной культуры любого народа неизбежно требует анализа его ритуалов и символики, поскольку именно в них аккумулируются фундаментальные представления о мироздании и месте человека в нем. Одним из наиболее выразительных воплощений этих смыслов в буддийской традиции выступают молитвенные флаги *лунгта*, которые в сочетании с сопутствующим обрядовым комплексом образуют элемент буддийской культуры, отличающийся высокой семиотической насыщенностью.

Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения этнографических коллекций, долгое время оставшихся малоизученными, которые открывают широкие возможности для реконструкции этнокультурных процессов и осмысления истории религиозного искусства.

Новизна исследования состоит в том, что на материале данной коллекции впервые анализируется феномен культурного синтеза молитвенных флагов у бурят. В научный оборот вводятся сведения о молитвенных флагах *хйи морин* из бурятской коллекции/фондов ИАЭТ СО РАН. Целью статьи является характеристика молитвенных флагов как культурно-религиозного феномена в тибетской и бурятской традициях. В основе исследования лежит комплексный подход, объединяющий три направления: этнографическое (фиксация обрядового контекста), искусствоведческое (анализ иконографии, цветовой символики и композиции) и религиоведческое (интерпретация сакральных смыслов). Такой подход позволяет всесторонне оценить визуальные особенности флагов и их ритуально-символическое значение в буддийской традиции.

Молитвенные флаги: функции и семантика

Молитвенные флаги *лунгта* (бур. *хйи морин*) – важный элемент культурного наследия народов, исповедующих тибетский буддизм. Их часто размещают в значимых местах как знак устремленности к внутренней гармонии и личностному развитию. Они выступают примером синкретического культурного феномена, вобравшего в себя элементы трех мировоззренческих систем: космогонических представлений добуддийской традиции Бон, буддийской философии Ваджраяны и, предположительно, китайских представлений о гармонизации природы.

Исследователь Диана Баркер отмечает, что в древности последователи тибетского учения Бон (*бонпо*) придерживались концепции *lung-ta* как жизненной энергии человека. Для привлечения удачи и успеха в начинаниях они использовали символические предметы: перья орла или белого стервятника, олицетворявшие силу неостановимой энергии, а также изображения лошадей на ткани, символизировавшие скорость. Эти украшенные ткани и перья размещались на возвышенностях – например, на крышах зданий или горных перевалах, – откуда ветер «уносил» устремления людей в небеса [Barker, 2003, p. 15]. На протяжении длительного времени эти ритуальные предметы претерпели эволюцию, приобретя форму молитвенных флагов. Впоследствии данная практика была включена в ритуальную систему тибетского буддизма и получила широкое распространение во всех регионах, где утвердилось это вероучение [Ibid., p. 12].

Этимологический анализ термина «конь ветра» выявляет его полисемантическую, отражая синтез разных традиций. Исследователь тибетской культуры Самтен Гьялцен Кармай отмечает, что термин «конь ветра» имеет два варианта написания: *klung rta* («водный конь») и *rlung rta* («конь ветра») и из-за одинакового звучания первого слога возникает смысловая двусмысленность [Karney, 1998, p. 414]. Согласно наблюдениям шотландского путешественника Л. А. Уодделла, тибетский термин *klung rta* («водный конь») восходит к китайскому мифологическому образу *lung ma* («конь-дракон»), который в тибетской традиции преобразовался в *rlung rta* («конь ветра»). По его мнению, эта трансформация связана с практикой вывешивания флажков *лунгта*, движение которых на ветру воплощает образ летящего коня [Waddell, 1971, p. 415]. Кармай указывает на то, что в тибетской культуре нет образа «дракон-конь», а предложенная Уодделлом форма *klung* считается неправильной. При этом образы дракона и коня действительно связаны с концепцией *rlung rta*. Далее он подчеркивает, что проблема двусмысленности осознавалась и самими тибетцами, и что известный философ школы Ньингма Джунг Мипхам (1846–1912) заметил, что писать *klung rta* «некрасиво» и предпочел вариант *rlung rta*, хотя и не объяснил причин своего выбора [Karney, 1998, p. 413–417].

Молитвенные флаги внешне представляют собой прямоугольные лоскуты ткани, на которые ксилографическим способом нанесены священные тексты (мантры и отрывки из сутр), а также изображения коня-ветра, буддийских божеств и религиозных символов. Молитвенным флагам свойственна пятицвет-

ная цветовая гамма, имеющая глубокий сакральный смысл. Эта символика флагов связана с буддийской концепцией пяти великих элементов (*махабхута*) и ассоциированных с ними пяти Будда-семейств (Пяти Татхагат)*, т.е. каждый цвет соответствует определенному первоэлементу и связан с одним из пяти дхьяни-будд и одной из сторон света: синий (пространство) – Будда Акшобхья (восток), белый (воздух/ветер) – Будда Вайрочана (центр), красный (огонь) – Будда Ами табха (запад), зеленый (вода) – Будда Амогхасиддхи (север), желтый (земля) – Будда Ратнасамбхава (юг) [Barker, 2003, p. 15; Бир, 2014, с. 65].

В тибетской традиции принято различать два основных типа молитвенных флагов. Первый тип – горизонтальные флаги, называемые *rlung rta* («конь ветра» или «ветряной конь»). Центральный образ коня на них олицетворяет жизненную силу, а драгоценность, которую он несет, символизирует исполнение желаний, благополучие и процветание. Второй тип – вертикальные флаги, или *dar chor* (тиб. *darchor*: *dar* – «дарящий жизнь, приносящий удачу, здоровье и богатство», *chor* – «всем мыслящим существам») [Молитвенные флаги].

Особое значение в семиотике молитвенных флагов придается их изобразительному ряду. Центральным является образ коня ветра *rlung rta* несущий на спине драгоценность *чинтамани*. По мнению британского художника-исследователя буддийского искусства Р. Бира, данный образ выступает символом жизненной энергии человека и его способности трансформировать любые препятствия в благополучие [Бир, 2014, с. 97]. Собственно ритуальная функция флага реализуется благодаря ветру: его колебания «активируют» напечатанные на ткани мантры (в первую очередь – «Ом Мани Падме Хум»), иницируя

процесс непрерывного очищения и гармонизации окружающего пространства. Для усиления этого действия на флагах размещаются также мантры Калачакры, Тары и иные сакральные формулы [Barker, 2003, p. 17–18; Бир, 2014, с. 98]. По краям флага изображаются восемь благоприятных символов (санскр. *аштамангала*), каждый из которых несет свое значение: благой зонт символизирует защиту от неблагоприятных обстоятельств и страданий, а также рассеивание негативных состояний ума (гнева, страсти, гордости и зависти); золотые рыбы олицетворяют плодородие и изобилие, а также свободу от ограничений; драгоценный сосуд воспринимается как знак долголетия и материального благополучия, а в более глубоком смысле как символ неисчерпаемого духовного богатства; лотос воплощает чистоту и внутреннюю гармонию, служа метафорой просветленного сознания; белая раковина ассоциируется с распространением идей и знаний; бесконечный узел выступает символом взаимосвязи всех явлений во Вселенной; знамя победы считается знаком торжества над препятствиями и победы учения Будды над невежеством; колесо (Колесо Дхармы) – образ пути развития и движения вперед, где восемь спиц символизируют Благородный Восьмеричный Путь к просветлению [Бир, 2014, с. 186–187]. Эти символы широко используются в декоративном искусстве буддизма, например, в храмовой резьбе, иконах-тханка и оформлении книг.

Самтен Гьялцен Кармай, описывая символику четырех животных на флагах, делает акцент на том, что миф об их происхождении раскрыт в тибетской рукописи «Появление маленького черноголового человека», датированной XIII в. Согласно мифу, первобытный человек, отец прародителей тибетских кланов Khri-tho, имел шесть сыновей от трех жен. После конфликта Khri-tho с демонами-разбойниками и горным народом gnyan и последовавшей за ним смерти Khri-tho и одной из его жен сыновья потребовали от gnyan компенсации. Gnyan в знак искупления одарили их животными: lDong получает дракона, dBra – орла, 'Gru – яка, sGa – тигра, dBa' – козла, lDa' – собаку. Четверо братьев отправляются мстить разбойникам за гибель матери. В этом походе каждое из их животных – тигр, як, гаруда и дракон – обретает силу личного dgra bla (дгала) – «божества-воина» и становится защитным духом клана. Братья, владеющие козлом и собакой, решают не участвовать в походе, и их животные не получают священного статуса. Так каждый из шести братьев олицетворяет один из древних тибетских кланов, чьи традиции связаны с этими тотемными существами. Символика животных такова: орел *khyung* олицетворяет мастерство, дракон *'brug* – могущество, тигр *stag* – храбрость, як *'gru* – силу [Karmay, 1998, p. 420–421].

По мнению Кармая, *rlung rta* – многогранный символ, объединяющий мифологические представления (связь с драконами, ветром, реками), астрологические концепции (четыре элемента), социальные структуры

* Пять Татхагат (санскр. *pañca tathāgata*, «Пять Татхагат») или пять Дхьяни-Будд (пять джина, *pañca jina* – «пять Победителей») представляют собой систему пяти просветленных образов в буддийской традиции Ваджраяны, занимающих верхний этаж в иерархии ее пантеона и составляющих архетип всех мандал – сакральных моделей мироздания. В их число входят: белый Вайрочана (центр, семья татхагаты, трансформирует неведение), красный Ами табха (запад, трансформирует сладострастие), желтый Ратнасамбхава (юг, трансформирует ревность), синий Акшобхья (восток, трансформирует гнев) и зеленый Амогхасиддхи (север, трансформирует зависть). Олицетворяют процесс трансформации омраченной психики через очищение пяти скандх (формы – рупа, ощущений – ведана, восприятия – санджня, формирующих факторов – самскара и сознания – виджняна) в состояние пробуждения, выражают универсальные законы мироздания и служат источником эманаций для тысяч божеств Ваджраяны. Размещаясь по сторонам света формируют основу построения мандалы – модели Мироздания, а также выступают сущностью всех пятиричных наборов тантрических понятий, таких как «пять познаний», «пять чувств», «пять цветов», «пять элементов» и т.д. [Буддизм, 1992, с. 122, 201, 209].

(связь животных с кланами) и ритуальные практики. Он также считает, что символика *rlung rta* тесно связана с культом гор и светскими представлениями о благополучии, удаче и гармонии между человеком и высшими силами [Ibid., p. 422].

Бир связывает символику «коня ветров» (*лунгта*) с китайской геомантией и астрологией. Четыре окружающих его существа – гаруда, дракон, тигр и снежный лев – в буддизме символизируют преодоление четырех фундаментальных страхов: рождения (дракон), болезни (гаруда), старости (тигр), смерти (снежный лев) и также выступают как добродетели-хранители по сторонам света (тигр – юг, снежный лев – восток, гаруда – север, дракон – запад), образуя вокруг флага защитную мандалу [Бир, 2014, с. 64–69].

В рамках традиции вывешивания молитвенных флагов (*лунгта*) в тибетской практике нередко проводят ритуал очищения дымом – *санг* (тиб. *bsang*, «дымная пуджа»). Кармай отмечает, церемонии, посвященные коню ветра, обычно проводятся совместно с ритуалом *лхасанг* (*lha bsang* – «подношение дыма богам»), в ходе которого сжигают ветки можжевельника, создавая густой и ароматный дым. Часто ритуал называют *рисанг лунгта* (*ri bsang rlung ta*) – «подношение окуривания и (бросание в ветер или установка) *rlung ta* высоко в горах». Еще он акцентирует внимание на том, что традиционно это «преимущественно светский ритуал», не требующий присутствия какого-либо особого служителя. Мирянин обращается к горному божеству с просьбой «увеличить его удачу подобно бегу коня и расширить его процветание подобно кипящему молоку» (*rlung ta ta rgyug / kha rje 'o ma 'phyur 'phyur*) [Karмай, 1998, p. 422]. Бир пишет, что *bsang* совершают по утрам в фазу растущей луны, сжигая можжевельник, полагая, что ароматный дым очищает энергетические каналы, устраняет застой жизненной энергии и умиротворяет духов местности. Ритуал способствует укреплению четырех аспектов благополучия – жизненной энергии, здоровья, личных сил и удачи [Бир, 2014, с. 98].

Молитвенные флаги размещают исключительно в сакрально маркированных и возвышенных локусах, к которым относятся горные перевалы, вершины гор, пространства возле буддийских храмов и ступ, территории у жилых домов, а также линии, соединяющие горные пики [Barker, 2003, p. 20]. Выбор подобных локаций обусловлен двумя ключевыми факторами: высотой установки, которая символизирует приближение к небесной сфере, обители божеств и пробужденных существ, и силой ветра, обеспечивающей беспрепятственную циркуляцию воздуха, что активизирует нанесенные на ткань мантры и благие символы. В тибетской традиции такое расположение молитвенных флагов преследует несколько целей: поддержание общего благополучия и гармонии, включая баланс жизненной энергии *лунг/пра*на, символическую защиту от непредвиденных опасностей, учет астрологи-

ческих соответствий (связь года рождения человека с покровительствующим животным по астрологическому календарю), а также привлечение удачи для семьи, дома и хозяйства.

Из всего этого следует, что ритуальная сила молитвенных флагов обусловлена тремя ключевыми факторами: выбором возвышенного сакрального места, интенсивностью ветра и обрядом освящения, совершаемым ламой. В совокупности эти условия превращают «коня ветра» в инструмент усиления жизненной силы, защиты, нейтрализации астрологических конфликтов, благословения территории и призыва благополучия.

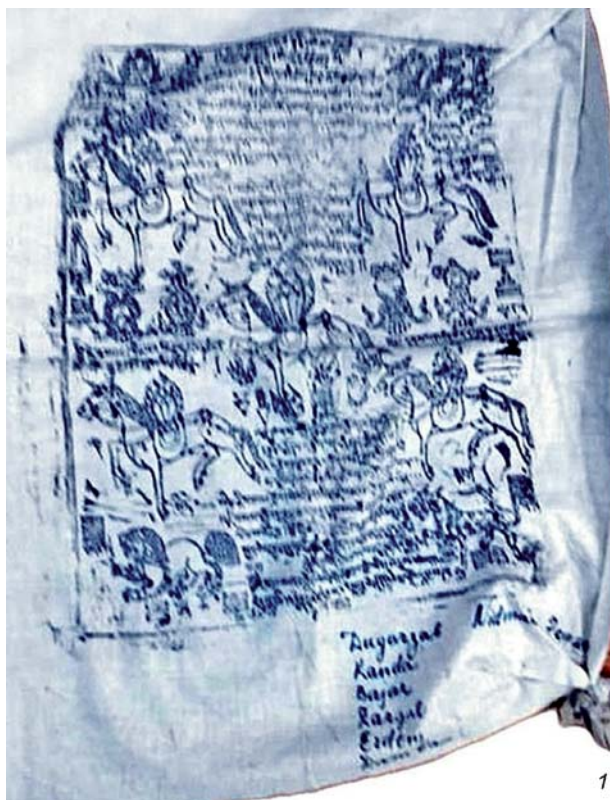
После изложения общих принципов функционирования флагов в тибетской традиции обратимся к локальной специфике. В следующем разделе на материале коллекции ИАЭТ СО РАН будут рассмотрены особенности бытования молитвенных флагов в бурятской культуре.

Хии морин из бурятской коллекции ИАЭТ СО РАН

Флаги, хранящиеся в коллекции, имеют традиционный облик: это прямоугольные хлопковые полотнища с печатными буддийскими изображениями и тибетскими текстами. Традиционно флаги вывешивают во второй день *Сагаалгана* (лунного Нового года) – в *дацанах* (буддийских храмах), у местных святынь или рядом с жилищем. Благоприятное направление для размещения в каждом случае индивидуально определяет лама-астролог (ПМА1).

К практике развешивания флагов обращаются и в критических ситуациях – например, при тяжелых болезнях или череде неудач. В таких случаях лама также рассчитывает оптимальное время и направление их установки. С учетом этой функции особую ценность приобретают уникальные артефакты коллекции, к анализу которых переходим далее. Ритуальная полноценность молитвенных флагов достигается после обряда освящения, проводимым священнослужителем, после которого флаг обретает ритуальную силу. Без освящения флаг, по сути, просто текстильное изделие. Основная цель развешивания флагов – устранение препятствий и нейтрализация негативных астрологических влияний (определяемых по гороскопу человека) (ПМА1).

Одной из особенностей именно бурятской ветви традиции является обычай фиксации на молитвенном флаге имен членов семьи, что символизирует родовое единство и коллективную сакральную защиту. В исследуемой коллекции выявлен флаг, на котором латиницей подписаны семь бурятских имен (рис. 1). Устная легенда к данному предмету отсутствует. Палеографический анализ показывает, что надписи выполнены латинским шрифтом, характерным для бурятской письменности 1930-х гг. Флаг датируется

1

2

Рис. 1. Молитвенные флаги *Хии морин* из бурятской коллекции из фондов ИАЭТ СО РАН.

1 – ВХ 355/7 ИАЭТ СО РАН – флаг с пятью изображениями Коня ветра, подписанными вручную именами на латинице; 2 – ВХ 355/1 ИАЭТ СО РАН – флаг с изображением Коня ветра, Намчу Вандан, восьми благих символов и четырех сверхъестественных животных.

концом 1970-х – началом 1980-х гг., вероятно, он был подписан представителем старшего поколения (женщиной), усвоившим грамоту в период латинизации бурятского письма (1930–1939 гг.). Научная значимость данного артефакта исключительно высока: он выступает уникальным материальным свидетельством устойчивости латинского алфавита в индивидуальной памяти поколения, прошедшего школу 1930-х гг. и возрождения буддийской обрядности в позднесоветской Бурятии – на фоне смягчения, но неполной отмены государственной антирелигиозной политики. Флаг фиксирует как межпоколенческую преемственность, так и адаптацию сакральной письменной традиции к динамичным культурно-политическим условиям, представляя собой раритетный образец «народной эпиграфики» советского периода.

От описания внешних особенностей бытования перейдем к анализу иконографического наполнения флагов из коллекции. Наиболее широко представлен тип флагов с изображением Коня Ветра (рис. 1). В дополнение к центральному образу на них есть изображения буддийских божеств, тексты мантр, сакральные слоги, сокращенные версии *суптр-дхарани*, а также наряду с классическими восемью благоприятными символами и четырьмя священными существами – редкие иконографические элементы, к числу которых относятся монограмма *Калачакры* и риту-

альный кинжал *пхурба*. Наиболее распространенной мантрой на флагах является «*Ом мани падме хум*», обращенная к Будде Сострадания Авалокитешваре.

Монограмма *Калачакры*. Среди ритуальных флагов этнографической коллекции ИАЭТ СО РАН, несущих сложные буддийские иконографические символы, особое внимание заслуживает монограмма *Калачакры* (рис. 2), именуемой в тибетской традиции *Намчу-вандан* («Десять всемогущих сомкнутых слогов»). Согласно буддийской космологии, ее начертание образуют вертикальные («ноги») и горизонтальные («руки») элементы, переплетенные в единую композицию. Над каждым слогом традиционно помещаются знаки солнца и луны; эта пара, известная в монголо-тибетской культуре как *соёмбо*^{*}, символи-

* *Соёмбо* (санскр. svayambhu «самозародившийся») – древний символ, восходящий к индо-буддийскому наследию. Национальный символ Монголии, популяризованный Дзанабадзаром в XVII в. Вертикальная композиция (читается сверху вниз) включает: огонь с тремя языками пламени (процветание в трех временах – прошлом, настоящем и будущем), солнце и луну (свет и вечность; «отец» и «мать» народа), «рыб, никогда не смыкающих глаз» (символ бдительности народа), прямоугольники (степь, честность и справедливость) и треугольники (защита от внешних и внутренних врагов) [*Соёмбо*].

Рис. 2. Молитвенные флаги *Хии морин* из бурятской коллекции из фондов ИАЭТ СО РАН.

1 – ВХ 256 ИАЭТ СО РАН – флаг Намчу Вандан из бурятской коллекции из фондов ИАЭТ СО РАН; 2 – ВХ 355/2 ИАЭТ СО РАН – флаг с изображением ритуального кинжала *пхурба*.

зирует единство противоположностей вечный цикл времени. Дополнительные элементы – огненный ореол (очищение) и лotosовый пьедестал (чистота, духовный рост) – усиливают ее сакральную значимость [Бир, 2014, с. 198; Асалханова, 2014, с. 16–17]. Данный символ встречается на стенах монастырей и *тханках*. Такие флаги применялись не только для достижения общего благополучия, но и в специальных буддийских ритуалах, направленных на гармонизацию времени и пространства.

Ритуальный кинжал *пхурба*. Исключительную редкость представляет флаг, содержащий изображение трехгранного кинжала *пхурба* (санскр. *кила*) (рис. 2). В буддийских практиках данный символ наделен полифункциональной семантикой. С одной стороны, это инструмент защитно-очистительного действия, направленный на «изгнание» или позитивную трансформацию негативных сил. С другой – дидактический знак «отсечения» духовных препятствий (привязанностей, невежества и омрачений). На высшем, философском уровне *пхурба* олицетворяет незыблемую стабильность и мудрость, способную пронзить любые иллюзии [Бир, 2014, с. 273–278]. Присутствие этого символа на молитвенном флаге однозначно указывает на его использование в качестве сложного ритуально-охранительного объекта, совмещающего функции привлечения удачи и активной защиты от негативных воздействий.

Заключение

Проведенное изучение молитвенных флагов *хии морин* из бурятской коллекции ИАЭТ СО РАН поз-

воляет раскрыть их уникальный статус многозначных культурно-религиозных артефактов. В каждом флаге органично сочетаются элементы добуддийских верований, буддийской философии Ваджраяны и тибетской художественных традиций и даже присутствуют приметы позднесоветской письменной культуры (латинизированные имена). «Конь ветра» не просто религиозный атрибут, а культурный код, соединивший архаичные представления о жизненной энергии, китайские мифологические образы и буддийские идеи распространения благих намерений через ветер и мантру. Эта синкретичная традиция устойчива и широко распространена не только в Тибете, но и во многих буддийских регионах мира. В России практика вывешивания таких флагов распространена в Бурятии, Калмыкии и Тыве. Устойчивая традиция изготовления и использования флагов *хии морин* свидетельствует об их глубокой укорененности в религиозном сознании и повседневной жизни верующих. В современную эпоху эти предметы функционируют не только как ритуальные объекты, призванные привлекать благополучие, защищать от зла и нейтрализовать астрологические конфликты, но и как носители коллективной памяти, культурной идентичности и исторического опыта взаимодействия разных традиций. Редкие иконографические символы – монограмма *Калачакры* и ритуальный кинжал *пхурба* – указывают на защитное назначение предметов.

Таким образом, молитвенные флаги являются объектами буддийской культуры, в которых пересекаются религия, история, искусство и социальные практики. Введение в научный оборот коллекции ИАЭТ СО РАН, включая уникальные артефакты с

латинизированными именами (конец 1970-х – начало 1980-х гг.) и сложными буддийскими символами, вносит определенный вклад в изучение духовной жизни и межкультурных коммуникаций в регионе. Одновременно это подтверждает высокий потенциал региональных этнографических коллекций для реконструкции сложных этнокультурных процессов и истории религиозного искусства.

Финансирование

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0011 «Этнокультурные и этносоциальные процессы у народов Сибири и Дальнего Востока в XVII–XXI веках: формирование и динамика».

Список литературы

Асалханова Е. В. Семиотическая значимость орнаментального декора в храмах северного буддизма // Баландинские чтения: сб. ст. IX науч. чтений памяти С. Н. Баландина. – Новосибирск: НГАХА, 2014. – Т. 9, № 3. – С. 15–22.

Бир Р. Тибетские буддийские символы. – М.: Ориенталия, 2013 – 336 с.

Бир Р. Энциклопедия тибетских символов и орнаментов. – М.: Ориенталия, 2014. – 428 с.

Буддизм: Словарь. – М.: Республика, 1991. – 287 с.

Молитвенные флаги. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Prayer_flag (дата обращения: 06.05.2026).

Соёмбо. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Соёмбо_%28символ%29. (дата обращения: 17.05.2026).

Barker D. Tibetan prayer flags: Send your blessings on the breeze. – London: Connections Book Pub. Ltd., 2003. – 64 p.

Karmay S. G. The Arrow and the Spindle: Studies in History, Myths, Rituals and Beliefs in Tibet. – Kathmandu: Mandala Book Point, 1998. – 603 p.

Waddell L. A. The Buddhism of Tibet Or Lamaism. – Cambridge: Heffer and son (reprint of 1895 edition), 1971. – 624 p.

References

Asalkhanova E. V. Semioticheskaya znachimost' ornamental'nogo dekora v khramakh severnogo buddizma. In *Baladinskie chteniya: sb. st. IX nauch. chteniy pamyati S.N. Balandina*. Novosibirsk: NGAHA Publ., 2014. Vol. 9, No. 3. P. 15–22. (In Russ.).

Barker D. Tibetan prayer flags: Send your blessings on the breeze. London: Connections Book Publ. Ltd., 2003. 64 p.

Bir R. Entsiklopediya tibetskikh simvolov i ornamentov. Moscow: Orientaliya, 2014. 428 p. (In Russ.).

Bir R. Tibetskie buddiyskie simvol. Transl. from Engl. by L. Bubenkova. Moscow: Orientaliya, 2013. 336 p. (In Russ.).

Buddyzm: Slovar'. Abaeva L. L., Androsov V. P., Bakaeva E. P. et al. Moscow: Respublika, 1991. 287 p. (In Russ.).

Karmay S. G. The Arrow and the Spindle: Studies in History, Myths, Rituals and Beliefs in Tibet. Kathmandu: Mandala Book Point, 1998. 603 p.

Molitvennye flagi. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Prayer_flag (Accessed: 06.05.2026). (In Russ.).

Soembo. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Соембо\(символ\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Соембо(символ)) (Accessed: 17.05.2026). (In Russ.).

Waddell L. A. The Buddhism of Tibet or Lamaism. Cambridge: Heffer and son (reprint of 1895 edition), 1971. 624 p.

Цыденова Д. Ц. <https://orcid.org/0000-0001-8904-5990>

Бурнаков В. А. <https://orcid.org/0000-0001-9636-3081>

Дата сдачи рукописи: 27.05.2026 г.